

ВИХРЬ

ПУТЬ ДОМОЙ

ГЕРМАН САБАЕВ

Герман Сабаев

Вихрь. Путь домой

<https://litres.ru/74633277>

SelfPub; 2026

Аннотация

Он шёл через белую степь, не зная, что ищет. Снег стирал следы, ветер уносил дни, но память звала вперед.

Там, где горизонт касался земли, появился огромный темный силуэт...

Издалека он казался частью пейзажа — неподвижной тенью среди снега. Но с каждым шагом проступали стены, и становилось всё труднее представить, что когда-то здесь были люди.

Здесь слишком многое кажется знакомым. Руки помнят движения, которых он не может объяснить. В тишине давно замолкнувшие голоса вновь зовут его по имени. И чем дальше он идёт, тем труднее понять, что ведёт его вперёд: чужая тайна или собственная память. Ему осталось дойти до конца. До места, где его ждут. До встречи с тем, кем он когда-то был.

Атмосферная фантастическая повесть о памяти, близких и дороге к тому, что однажды было частью его самого.

Содержание

Глава первая. Белая степь	4
Конец ознакомительного фрагмента.	24

Герман Сабаев

Вихрь. Путь домой

Глава первая. Белая степь

Он шел так долго, что перестал считать дни. Сначала помнил, сколько раз небо меняло цвет, сколько ночей переживал в снегу, сколько раз выбирал между остановкой и еще одним шагом. Потом цифры начали смешиваться, стираться, терять смысл - как следы на заметенной дороге. В какой-то момент он просто перестал возвращаться к счету, потому что путь стал важнее времени. Здесь, в белой степи, дни не складывались в порядок. Они растворялись в ветре, в холоде, в скрипе снега под сапогами, и только само движение вперед оставалось единственной мерой жизни. Он шел, и этого было достаточно.

Каждое утро начиналось одинаково. Он выбирался из неглубокой снежной выемки, несколько раз с силой ударял сапогом о сапог, возвращая чувствительность замерзшим ступням, поправлял меховой ворот и ремень старого рюкзака. Потом делал первый шаг. Под сапогом сухо хрустел наст.

Ветер не стихал никогда по-настоящему. Он мог ослабеть, уйти в низины, замолчать за редким леском, но стоило сделать несколько шагов по открытой равнине, как он возвра-

щался - сухой, холодный, настойчивый, с мелкой ледяной крошкой в воздухе.

Снег здесь жил собственной тяжелой жизнью. Он не лежал спокойно, а все время двигался: срывался с настила, тонкими струями полз по земле, забивался за ворот, цеплялся за рукава, оседал на ресницах и тут же превращался в лед. Иногда ветер поднимал его так высоко, что казалось, будто по степи течет молочная река, а человек - всего лишь темная точка в ее бесконечном течении. Ветер подталкивал его в спину, не позволяя остановиться надолго. Порой путнику казалось, что этот ветер не просто гонит его вперед, а возвращает куда-то назад, к тем же белым пространствам, к тем же скрипучим сугробам, к одной и той же бесконечной дороге, которая не приближает к цели, а лишь проверяет, хватит ли у человека сил не свернуть в пустоту. И от этого чувства становилось странно и тягуче, словно сам путь уже не вел его к месту, а медленно, упрямо выводил на круг.

Изредка степь возвращала ему следы прошлого. Ржавый столб без проводов. Обломок заметенной бетонной конструкции. Черное ребро рельса, торчащее из снега.

Он не останавливался. Только задерживал взгляд чуть дольше обычного. Эти вещи были бесполезны. Но каждая из них говорила одно и то же: здесь когда-то работали люди. Очень много людей. И земля еще не успела забыть тяжесть их шагов.

Поэтому появление темного силуэта на горизонте вызва-

ло в нем не тревогу, а почти необъяснимое облегчение. Сначала, в редкие минуты затишья, это было лишь пятно в белом пространстве - неясное, тяжелое, будто тень, забытая на краю мира. Потом пятно стало формой, а форма - чем-то слишком большим и слишком правильным для природного холма. Он еще не понимал, что именно видит, но внутри уже появилось тихое, почти болезненное чувство узнавания. Будто долгий путь наконец перестал быть бесконечным и впервые за много дней получил направление. Гору можно было бы принять за случайность, за обман зрения, за причуду снега и дальнего света, но путник не чувствовал ни удивления, ни сомнения. Только странное спокойствие. Будто впереди его ждали не неизвестность и холод, а что-то давно обещанное, что-то, к чему он шел слишком долго, чтобы теперь отступить. Ему не пришло в голову спросить себя, почему вместо тревоги он чувствует облегчение. Некоторые ответы тело принимает раньше разума.

Чем ближе он подходил к темному исполину, тем незаметнее менялся окружающий мир. Сначала исчезли низкие, искривленные кусты, упрямо державшиеся за промерзшую землю. Всё реже попадались пучки сухой травы, еще недавно торчавшие из-под снега, словно последние свидетели ушедшего лета.

Потом снег вокруг стал удивительно ровным, почти правильным, будто под ним больше не было живой земли с ее неровностями. Некоторое время он шел, не придавая этому

значения, пока однажды носок тяжелого сапога не ударился обо что-то неожиданно твердое.

Звук был глухим и коротким. Не звон камня. Не хруст промерзшей почвы. Совсем другой.

Он остановился, сделал шаг назад и несколько секунд смотрел себе под ноги, словно пытаюсь понять, что именно нарушило привычный ритм дороги. Потом медленно присел на корточки и, сняв теплую рукавицу, провел ладонью по плотному снегу. Холод мгновенно обжег пальцы. Он смахнул верхний слой, затем еще один. Под рыхлой снежной коркой проступила гладкая, серая поверхность. Слишком ровная. Слишком правильная. Из-под снега показался бетон. Он поднял голову и огляделся. Чем дольше он проводил взглядом перед собой, тем яснее приходило понимание: перед ним широкий бетонный массив, уходящий в обе стороны настолько далеко, что белая пелена вновь скрывала его края. Где-то глубоко внутри мелькнула мысль, что удивиться следовало бы сильнее. Но удивления не было.

Именно это озадачило его больше всего.

Он сидел над этим холодным бетоном и вдруг поймал себя на странном ощущении: будто встретил старого знакомого, которого не видел много лет. Не было ни растерянности, ни вопросов, ни того лихорадочного любопытства, которое неизбежно возникает перед чем-то необъяснимым. Наоборот - спокойствие пришло раньше мысли. Словно какая-то забытая часть его самого уже давно знала, что под снегом

должна быть именно эта твердая поверхность, что именно отсюда исчезнет живая земля и начнется иной мир. Он медленно поднялся, еще раз посмотрел вперед, на темный силуэт, вырастающий из белой степи, и только теперь спросил себя: почему все это кажется таким естественным? Ответа не было. Было лишь тихое, почти неуловимое чувство, что дорога наконец начала возвращать его туда, где он когда-то уже оставил часть своей жизни.

Он сделал первый шаг по бетону, и звук изменился.

К привычному поскрипыванию снега добавился глухой отклик твердого основания под подошвами, почти незаметный, но удивительно уверенный. Казалось, сама земля под ногами наконец перестала уступать человеку. Каждый шаг ложился точно, без привычного сопротивления промерзшей почвы, словно дорога, столько времени скрытая под снегом, терпеливо ждала того, кто снова пройдет по ней.

Он шел медленно, всматриваясь в белую равнину перед собой, хотя теперь смотреть было почти не на что. Снег лежал ровным полотном, лишь кое-где повторяя очертания широких швов между бетонными плитами. Ветер старательно заметал их, год за годом стирая следы человеческого труда, но полностью победить не мог. Под его ногами по-прежнему существовала дорога, созданная не природой. Дорога, которой однажды придали направление тысячи человеческих рук.

Иногда ему приходилось переступать через занесенные

снегом трещины или обходить небольшие провалы, где бетон за долгие годы не выдержал. Но всякий раз он ловил себя на странной вещи: выбирать путь почти не приходилось. Стоило поднять взгляд на темный силуэт впереди, как ноги сами находили следующий шаг. Он обходил неровности еще до того, как успевал внимательно их рассмотреть, почти не задумываясь смещался в сторону, словно широкая белая полоса подсказывала ему единственно правильное направление.

Лишь спустя какое-то время его настигла простая мысль. Он остановился. Овернулся. Позади, насколько хватало взгляда, тянулась цепочка его следов. Они не петляли. Не искали удобного прохода. Не повторяли случайные изгибы снежного покрова. Следы ложились почти в идеально ровную линию, лишь изредка плавно отклоняясь в сторону и так же плавно возвращаясь обратно. Будто он двигался не наугад, а по маршруту, размеченному задолго до его появления. Лишь явные препятствия заставляли его сместиться в сторону.

Он долго смотрел на собственный путь, пока ветер затягивал отпечатки белой поземкой.

- Странно... - тихо произнес он, сам не замечая, что говорит вслух.

Никакой тревоги он не испытывал. Скорее недоумение. Он попытался объяснить это привычкой идти по более твердому снегу, инстинктом путешественника, многими днями

дороги, когда тело начинает работать экономнее разума. Такое объяснение выглядело вполне разумным. Настолько разумным, что он почти сразу перестал об этом думать. И все же где-то глубоко, там, куда еще не доходили слова, осталось едва ощутимое чувство неправильности.

Словно он не выбирал дорогу. Словно дорога - старая, погребенная под десятилетиями снега и забвения - сама понемногу вспоминала, как когда-то по ней ходили люди.

Он поправил ремень рюкзака, еще раз взглянул на темную громаду впереди и пошел дальше.

Теперь расстояние до нее сокращалось заметно быстрее. И вместе с каждым десятком шагов исчезало ощущение, что он приближается к неизвестности. Все сильнее казалось другое. Будто неизвестность осталась далеко позади. Сначала изменился не горизонт. Изменился сам мир вокруг него. Он не смог бы объяснить, в какой именно миг это произошло. Не было резкой границы, не было черты, переступив которую человек оказывается в другом месте. Просто однажды он вдруг понял, что ветер уже не гуляет по степи так свободно, как прежде. Его порывы стали короче, осторожнее, словно и они наталкивались впереди на что-то огромное, невидимое, способное изменить их привычный бег. Даже снег здесь ложился иначе - не широкими волнами, бегущими до самого горизонта, а спокойнее, ровнее, будто сама равнина постепенно утрачивала свою природную беспорядочность, подчиняясь чужой, давно установленной воле.

Он поднял голову. Темный силуэт больше не был далекой точкой. Он уже не приближался. Он присутствовал.

Это ощущение пришло раньше, чем взгляд успел внимательно разглядеть очертания. Впервые за весь долгий путь ему показалось, что впереди находится не место, к которому можно прийти, а нечто, что всегда было здесь - задолго до его рождения, задолго до снегов, ветров и одиночества, словно сама степь много лет вращалась вокруг этого молчаливого исполина, принимая его как часть собственного существования. Он смотрел на темную громаду и неожиданно поймал себя на мысли, что слово «гора» больше не подходит. Горы рождаются землей. Это же казалось чем-то, что однажды пришло в степь вместе с человеческой волей и осталось здесь навсегда, пережив тех, кто его создал.

Чем ближе он подходил, тем меньше понимал увиденное. Обычно большие предметы постепенно раскрывают свои размеры. Ровные очертания становятся зданием. Здание - заводом. Далекий холм вблизи оказывается горой. Здесь происходило обратное. Чем отчетливее проступали линии сооружения, тем труднее становилось охватить его взглядом. Глаз цеплялся за отдельные детали - за длинный, почти идеально прямой склон, за темные разломы, похожие издали на расселины, за странную правильность граней, - но разум отказывался складывать их в единое целое. Масштаб ускользал. Будто перед человеком стояло не сооружение, а сама идея величия, воплощенная в бетоне и стали.

Он остановился. Не потому, что устал. Просто дальше нельзя было идти так же, как раньше.

Когда человек приближается к большому дереву, он продолжает думать о дороге. Когда подходит к дому - начинает думать о людях внутри. Но сейчас произошло что-то совсем другое. Он вдруг почувствовал себя маленьким не перед высотой, а перед чужой судьбой, заключенной в этих исполинских очертаниях. Ему стало не по себе. Не от страха. От какого-то почти благоговейного смущения, которое испытывают люди, входя в места, где человеческий труд оказался сильнее времени. Он еще не видел ворот. Не различал деталей. Но уже понимал: перед ним не руины.

Перед ним стояло молчание. Такое долгое и такое тяжелое, что оно само стало частью окружающего мира.

Он долго не мог отвести взгляда. И вдруг произошло совсем простое, почти незаметное движение. Он снова снял рукавицу. Медленно провел пальцами по холодному воздуху, словно между ним и этим исполином уже существовала какая-то невидимая связь, которую невозможно было объяснить словами. Жест был странным, почти бессмысленным, и лишь спустя несколько секунд он сам удивился ему. Зачем он это сделал? Что хотел почувствовать? Ответа не было. Но ощущение оказалось таким ясным, что спорить с ним было невозможно.

Он не смотрел на неизвестное. Он смотрел на то, что почему-то казалось давно знакомым. И от этой мысли, возник-

шей так тихо, что он едва успел ее уловить, сердце вдруг сжалось сильнее, чем от любого холода, пережитого за последние недели пути.

Он снова пошел вперед. Теперь шаги стали медленнее не потому, что путь сделался тяжелее, а потому, что исчезла прежняя уверенность в расстоянии. Еще недавно ему казалось: стоит пройти несколько сотен метров - и загадочный силуэт наконец обретет понятные очертания. Но происходило нечто странное. Пространство словно перестало подчиняться привычным законам.

Ветер, прежде подталкивавший его в спину, теперь заходил то сбоку, то бил в лицо, бросая в щеки мелкую ледяную крупу. Впереди, у темных откосов, поземка разворачивалась и бежала навстречу. Он шел, снег скрипел под подошвами, сооружение становилось ближе - и все же расстояние до него уже не удавалось угадать.

Человеческий глаз привык понимать мир. Дерево становится выше по мере приближения. Башня растет над горизонтом, пока не заслоняет небо. Но сейчас привычный порядок вещей словно перестал существовать. Исполин впереди не увеличивался. Он становился непостижимее.

Каждый десяток шагов не приносил ясности, а, наоборот, отнимал ее. Отдельные линии, еще недавно казавшиеся склоном холма, вдруг распадались на новые формы. Там, где взгляд ожидал увидеть скалу, возникала идеально ровная плоскость. Там, где виделась естественная трещина, обнару-

живался прямой, как по линейке, разлом. Поверхности, которые издали казались частью рельефа, неожиданно меняли угол, уходили вверх под невозможными для природы гранями, исчезали за другими объемами, открывая новые, еще более огромные. Он ловил себя на том, что перестал понимать, где заканчивается одна часть этого исполина и начинается другая.

В какой-то момент он остановился и медленно оглянулся. Позади все оставалось простым и понятным. Белая степь. Низкое небо. Редкие темные полосы далекого леса. Ветер. Все это виделось сразу, как давно знакомая картина.

Потом он снова повернулся вперед. И неожиданно почувствовал почти физическое бессилие. Перед ним было нечто, что невозможно было увидеть целиком. Можно было смотреть на отдельные линии, на отдельные поверхности, на отдельные тени. Но стоило попытаться соединить их в единое целое, как разум словно отказывался продолжать работу. Мысль рассыпалась, не находя привычной опоры. Он впервые за долгий путь ощутил себя существом слишком маленьким не по росту, а по способности понять увиденное. Так, наверное, древний человек чувствовал бы себя, впервые оказавшись у подножия плотины, способной удержать целое море.

Он продолжил идти. Теперь уже не отрывая взгляда от сооружения. Исчезла граница между небом и бетоном. Темная масса занимала горизонт так естественно, словно была здесь

всегда. Ветер, летевший через степь, теперь послушно менял направление у ее склонов. Снег ложился вдоль невидимых направлений, подчиняясь огромным стенам, которых он еще не видел полностью. Даже редкая тишина изменилась. Она перестала быть тишиной открытого пространства. В ней появилось едва уловимое ощущение объема, будто где-то впереди существовали колоссальные пустоты, способные поглощать звук, хранить его и никогда не возвращать обратно.

И тогда ему пришла мысль, такая простая, что он сам удивился, почему она не возникла раньше. Он все это время ошибался. Перед ним не гора. И даже не здание. Перед ним была целая часть мира. Мир, созданный человеческими руками. И именно поэтому он казался невозможным.

Он прожил достаточно, чтобы знать цену человеческому труду. Знал, сколько сил требуется, чтобы построить дом. Видел мосты, плотины, заводы, дороги. Но все это, каким бы огромным ни казалось, всегда оставалось понятным. Здесь же привычная мера вещей переставала существовать. Невольно возникал вопрос, от которого становилось одновременно страшно и горько: какой народ должен был жить на этой земле, чтобы считать подобное сооружение всего лишь одним из своих рабочих объектов? Какие люди входили в эти стены каждое утро, не поднимая головы от привычки? Какие дети ждали их вечером домой, не подозревая, что их отцы и матери каждый день работают внутри того, что само по себе кажется чудом?

Он почувствовал, как в груди медленно рождается не восхищение.

Нет.

Это было чувство куда более редкое.

Смирение.

Такое приходит лишь тогда, когда человек вдруг понимает, что мир гораздо больше, древнее и величественнее, чем он позволял себе думать. И впервые за весь путь ему захотелось снять шапку. Не перед руинами - перед человеческим величием, которое сумело пережить собственную эпоху.

Чем ближе он подходил, тем отчетливее исполин переставал быть частью горизонта и начинал открывать свое истинное лицо. Снег больше не скрывал основание сооружения. Из белой равнины медленно поднимались гигантские бетонные откосы, темные от времени, покрытые длинными потеками, оставленными десятками весенних оттепелей. Местами бетон растрескался, обнажив ржавую арматуру, но даже эти раны не делали сооружение слабее. Напротив - они лишь напоминали морщины на лице очень старого человека. Возраст был виден. Старость - нет.

Теперь уже невозможно было представить, что все это однажды построили. Казалось, исполин не появился в степи. Он всегда был ее частью.

Ветер разбивался о его стены, словно морские волны о гранитный берег. Поземка закручивалась у подножия бетонных откосов в широкие белые водовороты, исчезала в тем-

ных нишах, снова вырывалась наружу. Даже небо рядом с ним выглядело иначе - ниже, тяжелее, словно само чувствовало присутствие этой колоссальной человеческой воли, застывшей в бетоне и стали.

Только теперь он различил ворота. Они были настолько огромны, что первое мгновение разум отказывался принимать их за дверь. Это была целая стена, разделенная едва заметным вертикальным швом. Ни ручек. Ни замков. Ни привычных человеку деталей. Будто две исполинские плиты просто сомкнулись когда-то, отделив внутренний мир от внешнего. Он невольно представил, какое существо могло бы пользоваться такими воротами.

Мысль показалась нелепой. И все же человеческое воображение отчаянно искало привычные масштабы, потому что иных просто не существовало.

Он еще стоял довольно далеко. До ворот оставались сотни метров. Можно было идти прямо. Можно было приблизиться с любого места. Вся площадь перед исполином была совершенно открыта. И все же он почему-то сразу свернул немного правее. Совсем немного. Настолько естественно, что сам не обратил на это никакого внимания. Будто впереди существовала дорога, которую давно занесло снегом, но которая по-прежнему продолжала вести людей к единственно правильному входу.

Он шел спокойно, даже не замечая, что перестал смотреть себе под ноги. Теперь взгляд был прикован к воротам впе-

реди. И все же каждый следующий шаг ложился удивительно уверенно. Словно огромное пространство перед воротами уже давно было ему знакомо. Просевший снег выдавал выбоины. Он обходил их, переступал темные швы между плитами и всякий раз возвращался на прежнюю линию. Даже там, где ровная площадка позволяла идти куда угодно. Почему-то ему было важно вернуться именно на нее. Лишь подойдя значительно ближе, он остановился. Перед ним, почти незаметная на фоне циклопических створок, темнела узкая дверь. Обычная человеческая дверь. Настолько маленькая рядом с воротами, что издали ее невозможно было различить. Он долго смотрел на нее. Потом медленно нахмурился. Странное чувство заставило его оглянуться назад. С того места, где он впервые увидел ворота, этой двери нельзя было заметить. Сейчас она терялась среди огромных бетонных плоскостей. И все же... он шел именно к ней. Не искал. Не выбирал. Не обходил стены в поисках входа. Он сразу направился туда, словно заранее знал, где должен войти человек.

Эта мысль пришла неожиданно. И по-настоящему нарушила его спокойствие. Он попытался вспомнить, не видел ли раньше подобных сооружений.

Нет. Не мог.

Пытался убедить себя, что просто инстинктивно выбрал самое логичное направление. Так делают все путешественники. Так поступил бы любой. Объяснение выглядело убе-

дительным. Почти убедительным. Но где-то глубоко внутри уже возникла тонкая, едва различимая трещина, та самая, через которую память иногда начинает возвращаться не словами. А движением. Словно когда-то он уже проходил здесь тысячи раз.

Он медленно подошел к человеческой двери.

Теперь исполин уже невозможно было охватить взглядом. Он исчез как единое целое, распавшись на отдельные стены, откосы, массивные плоскости и бесконечные линии бетона, уходившие вверх так высоко, что взгляд невольно терял их на фоне низкого зимнего неба. Стоя у самого основания, человек переставал понимать размеры того, рядом с чем оказался. Здесь не было фасада. Не было привычного входа. Не было архитектуры, обращенной к человеку. Все вокруг было создано не для того, чтобы производить впечатление, а для работы. Для задачи, настолько огромной, что красота родилась сама собой - как неизбежное следствие точности.

Человеческая дверь казалась почти случайной. Узкая. Темная. Врезанная в исполинскую створку так, будто кто-то однажды вспомнил, что внутрь должны входить не только машины, но и люди. Он остановился перед ней. Дверь была утоплена в створку. Он шагнул в неглубокую нишу, под прикрытие толстого металлического ребра. И ветер больше не касался лица.

Несколько секунд просто стоял, подняв голову, и не заметил, как движение воздуха остановилось. Впервые за весь

путь стало непривычно тихо. Тишина здесь была другой. Не степной. Не природной. Она была похожа на тишину огромного цеха после окончания последней смены, когда тысячи голосов уже ушли, тысячи механизмов давно остановились, но само пространство еще не успело забыть, каким оно было всего несколько часов назад. В этой тишине ощущалось не отсутствие жизни.

Ожидание.

Он сам не заметил, как поднял руку. Не для того, чтобы открыть дверь. Пока еще нет. Просто... коснуться. Рука остановилась рядом с металлом, пока разум несколько секунд решал, действительно ли хочет войти. Пальцы легли на темный металл осторожно, почти несмело. И в то же мгновение произошло что-то настолько простое, что сначала он даже не понял, почему перестал дышать. Металл оказался знакомым. Не его температура. Не шероховатость. Не ржавчина, проступившая под краской. Нет. Знакомым оказалось само ощущение прикосновения. Ладонь легла именно так, как ложится на предмет, который держал сотни раз. Пальцы сами нашли удобное положение. Большой палец привычно уперся в край усиливающего ребра. Запястье чуть повернулось, снимая лишнее напряжение. Движение было настолько естественным, что он не успел его продумать - оно уже произошло. Он резко отдернул руку. Не от холода. От удивления. Несколько секунд смотрел на собственную ладонь так, словно видел ее впервые. Медленно сжал пальцы. Разжал. Снова

посмотрел на дверь. Потом, почти с недоверием, коснулся металла еще раз. Теперь уже осознанно.

Ничего.

Обычный холодный металл. Шероховатая старая краска. Едва заметные следы коррозии. Все было совершенно обычным. И именно это казалось самым странным. Он провел ладонью чуть в сторону. Пальцы задержались над небольшим участком металла, где краска отличалась от остальной - темнее, без привычной шероховатости. Рука словно искала здесь опору. Он опустил взгляд. Два отверстия были заделаны заподлицо; вокруг одного сохранился тонкий ободок ржавчины. Когда-то здесь что-то крепилось. Он снова коснулся этого места и вдруг понял, что ждал другого ощущения.

Какого - вспомнить не смог. Ответа не было.

И все же где-то в глубине сознания уже начинало рождаться беспокойство. Не страх. Страх возникает перед неизвестным. А здесь происходило обратное. Неизвестное становилось слишком знакомым. И именно это пугало.

Он сделал шаг назад и еще раз посмотрел на исполина. Совсем недавно тот казался ему чужим, невозможным, почти внеземным. Теперь же, стоя у этой маленькой двери, он вдруг поймал себя на мысли, от которой внутри стало неожиданно тепло и больно одновременно. Он посмотрел на два заделанных отверстия. Что здесь крепилось? Почему пальцы до сих пор искали опору именно на этом месте?

За спиной шуршал снег. Он снова придвинулся под защиту металлического ребра. Он еще долго стоял перед дверью, не решаясь сделать последнее движение. Не потому, что ожидал опасности, и не потому, что сомневался. Просто весь долгий путь, все недели одиночества, холода и ветра словно сжались сейчас в одно-единственное мгновение. Стоило нажать и потянуть тяжелую металлическую ручку - и дорога, начавшаяся где-то далеко среди бескрайней зимней степи, закончилась бы окончательно.

Впереди больше не было горизонта, не было снега, по которому можно идти еще день, еще два, еще неделю. Впереди начиналось пространство, где путь уже нельзя измерить расстоянием.

Рука снова потянулась вперед. На этот раз он остановил ее. До ручки оставалось несколько сантиметров. Пальцы уже согнулись для захвата, и это готовое, уверенное движение вдруг стало ему неприятно. Он опустил руку. За плечом шуршала поземка. Можно было отойти от двери, вернуться на открытую площадку, еще раз посмотреть на сооружение издали. Никто его не торопил. Он постоял, прислушиваясь. Потом придвинулся к двери на полшага. Он глубоко вдохнул. Воздух возле исполина оказался совсем другим. В нем уже почти не чувствовалось морозной свежести открытой степи. Здесь пахло старым бетоном, металлом, многолетней пылью и чем-то едва уловимым, настолько слабым, что разум не мог подобрать для него названия. Не запах. Скорее

воспоминание о запахе. Так иногда бывает в давно закрытом доме: стоит открыть дверь - и кажется, будто стены помнят дыхание людей, давно ушедших отсюда.

Он осторожно нажал на ручку.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.